

М.И. Орешкин, М.А. Сутурин

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблемам, связанным с целым рядом изменений положений уголовного закона, регламентирующих блок преступных деяний в сфере экономической деятельности. Отмечены определенные положительные моменты в изменении уголовного законодательства, а также их социальная значимость для защиты бизнеса от уголовных посягательств и излишнего уголовно-репрессивного преследования. Вместе с тем на основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде России и анализа редакций статей Уголовного кодекса сделан вывод о низкой эффективности применения отдельных уголовно-правовых норм в сфере экономических преступлений, введенных в Уголовный кодекс РФ за последние несколько лет. По отдельным составам преступлений с момента их включения в Уголовный кодекс РФ судами не было вынесено ни одного приговора. При этом подобная ситуация наблюдается на фоне все большего (де-факто) распространения таких деяний в нашей стране. Это красноречиво свидетельствует о проблемах действующих законодательных конструкций и необходимости их корректирования. Указаны причины низкой эффективности правоприменительной деятельности, которые, по мнению авторов, связаны с недостаточной научной обоснованностью, а также недостаточной проработанностью нормативной базы в рассматриваемой сфере общественных отношений. Кроме того, наблюдается острая нехватка квалифицированных специалистов для расследования данной категории уголовных дел. Высказаны предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: *экономические преступления, либерализация уголовной ответственности, экономическая преступность.*

Представляется, что уголовное законодательство, исходя из классических подходов к пониманию его сути, назначения, целей и задач, должно являться наиболее консервативным (в позитивном понимании этого термина). Это объясняется тем, что уголовная ответственность является наиболее карательным видом юридической ответственности. Кроме того, никто не подвергает сомнению тезис о том, что от того, насколько научно обоснованы, профессионально сконструированы и реализованы будут нормы именно уголовного закона, напрямую зависят судьбы людей, привлекаемых по подозрению в совершении преступления. В последние десятилетия на макроуровне наблюдается ситуация, связанная с недостаточной, на наш взгляд, продуманностью и обоснованностью действий законодателя и правоприменителя в разработке и реализации уголовной политики. Уголовный закон подвержен импульсивным, нередко хаотичным изменениям в угоду, например, политическим веяниям, «внезапно» появляющимся общественным отношениям, резонансно подвергаемым негативному воздействию и «требующим» незамедлительной защиты с позиций уголовного закона. За более чем двадцать лет существования Уголовный кодекс Российской Федерации подвергался и подвергается бесконечным изменениям и дополнениям, изменениям и дополнениям к принятым изменениям и дополнениям. Это в определенной степени свидетельствует об отсутствии четкого понимания ответов на вопросы: «что мы хотим от уголовного закона?»; «какие задачи мы перед ним ставим?» и т.д. Бесспорным является тезис, что, пожалуй, наибольшему реформированию подверглась система уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экономические преступления, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности. Происходящие изменения уголовного, уголовно-процессуального законо-

дательства, направленные на формирование благоприятной экономической среды и защиту бизнеса, принято называть либерализацией. С точки зрения экономической составляющей либерализация – это расширение свободы экономических действий хозяйствующих субъектов, выраженное в снятии или сокращении ограничений на данную деятельность. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что либерализацией в уголовно-правовом смысле является расширение прав подозреваемых (обвиняемых), юридических лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, смягчение санкций за экономические преступления, сужение круга уголовно наказуемых деяний (процессы декриминализации) и т.д.

Следует отметить, что в последнее десятилетие вектор уголовной политики в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности характеризуется последовательно прослеживаемой тенденцией гуманизации. Данная тенденция была вызвана сформировавшимся в определенной части предпринимательской и общественной среды устойчивым мнением о том, что отечественный бизнес необоснованно подвергается давлению со стороны контролирующих и правоохранительных органов, что выражается в рейдерских захватах, возбуждении «заказных» уголовных дел. По прошествии нескольких лет с момента начала гуманистического реформирования в этой сфере уголовное законодательство претерпело ряд существенных изменений. Вполне закономерно изменилась и практика деятельности правоохранительных органов и судов. На сегодняшний день представляется возможным проанализировать некоторые итоги наблюдающегося процесса вышеобозначенной либерализации уголовного законодательства и практики его применения в сфере защиты экономики.

Преступления в сфере экономической деятельности расположены в главе 22 Уголовного кодекса РФ. В последние десятилетия изменения коснулись более 80% статей, расположенных в этой главе. Из нее исключены (декриминализованы) такие составы преступлений, как лжепредпринимательство, обман потребителей, заведомо ложная реклама. Товарная контрабанда, после полной ее декриминализации в 2011 г., в определенной составляющей получила новую жизнь уже через год, став преступлением против общественной безопасности. Частичной декриминализации подвергся ряд составов преступлений за счет повышения нижней границы крупного и особо крупного ущерба, размера дохода, суммы налоговых недоимок и т.п. И, конечно, широко этот процесс коснулся смягчения санкций по подавляющему числу составов экономических преступлений. Однако наблюдающийся процесс либерализации проходит параллельно с процессом криминализации в экономической сфере. Так, в главу 22 было включено более 30 новых составов преступлений. Только в период с 2015 по 2018 г. глава менялась законодателем четырнадцатью федеральными законами. Данная тенденция наблюдается и сегодня. В качестве примера можно привести принятие Федерального закона № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 г. (вступил в силу с 08.01.2019 г.), который внес изменения в ст.ст. 170.1, 170.2, 172.1, 172.3, 195 УК РФ.

Изначально процесс либерализации экономических преступлений имел достаточно большое число сторонников, а общество в определенной степени воспринимало это как благо. Однако на сегодняшний день данный процесс все больше обусловлен аргументированными критическими высказываниями в научно-практической среде относительно происходящих изменений уголовного законодательства.

Проведя некоторую комплексную оценку всех принятых изменений уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере, можно выделить, с одной стороны, позитивные, а с другой – негативные составляющие процесса либерализации. К числу позитивных, по нашему мнению, следует отнести, например, изменение законодательного подхода, касающегося избрания меры пресечения лицам (предпринимателям), обвиняемым в совершении экономических преступлений. Подобная законодательная новелла повлекла за собой заметное сокращение фактов избрания меры пресечения в виде водворения под стражу в последние годы. Данная новелла имеет больше уголовно-процессуальный характер, но была реализована на волне изменений уголовного законодательства. Кроме того, в Уголовном кодексе появились такие составы преступлений, как незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица на подставных лиц и незаконное использование документов таких организаций. Ранее такие действия частично подпадали под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 173 УК РФ – лжепредпринимательство, применение которой вызывало ряд серьезных проблем, что нередко на практике приводило к опреде-

ленным недоразумениям. Нельзя не отметить и реализуемый комплексный подход законодателя и правоприменителя в охране общественных отношений в сфере оборота алкогольной продукции, стремлении защитить рынок ценных бумаг и др. По нашему мнению, наблюдается обоснованный стратегический вектор. Однако на практике правоприменитель сталкивается с серьезными проблемами (в том числе из-за сложности, казуистичности законодательных нормоустановлений), что объективно затрудняет достижение поставленных задач.

Особую обеспокоенность вызывают качество принимаемых уголовно-правовых норм, их обоснованность и проработанность. Традиционно законотворческий процесс опережает правоприменительный, что приводит к рождению так называемых «мертвых норм». Наличие достаточно большого количества статей в главе 22 УК РФ, которые абсолютно не применяются в правоприменительной практике, можно условно отнести к нейтральным результатам процесса либерализации, при этом частично согласиться с тем, что новая норма должна «прижиться» и всегда есть возможность ее совершенствования. Однако подобная ситуация актуализирует вопрос о том, что делать с авторитетом уголовного закона, который в глазах представителей доктрины, практических работников, обывателей с каждым годом падает?

В качестве иллюстрации вышеуказанным умозаключениям представляется возможным проведение выборочного анализа показателей официальной статистики, демонстрирующих количественные показатели «реализации» на практике ряда новых составов преступлений в сфере экономической деятельности. Кроме того, нами приведены официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по количеству осужденных лиц за рассматриваемые составы преступлений начиная с 2015 г. и до 1-го полугодия 2018 г.

В 2015 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 170.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка либо карту-план территории. И только в 2017 г. за совершение данного преступления в целом по Российской Федерации был осужден 1 человек. Соответственно, в 2015–2016 гг. и в первом полугодии 2018 г. фактов осуждения по вступившему в законную силу приговору суда не было. Несмотря на то, что, по нашему мнению, введение вышеуказанной нормы в Уголовный кодекс оправдано и общественная опасность таких деяний сомнений не вызывает, сама законодательная конструкция практически свела на нет возможность ее применения. Поскольку состав преступления имеет материальную конструкцию, момент окончания преступного деяния неразрывно связан с причинением крупного ущерба гражданам, организациям или государству. И изначально ставится под сомнение наличие прямой причинно-следственной связи между преступными деяниями кадастрового инженера и наступившими последствиями. Представляется более верным, что данный состав должен иметь формальную конструкцию.

Следующий пример – это ст. 178 УК РФ – монополистические действия и ограничение конкуренции. Начиная с 2015 г. по 1-е полугодие 2018 г. по этой статье не было осуждено (оправдано) ни одного человека. Уникальность данной нормы состоит в том, что, существуя в Уголовном кодексе изначально, она начиная с 2009 г. дважды была изложена в новых редакциях. Несмотря на это показатели ее применения по-прежнему остаются нулевыми. Можно снова пенять на недостатки законодательной конструкции, а может, все-таки быть более здравомыслящими и признать необходимость декриминализации данного состава преступления и ограничиться более активным применением норм об административной ответственности?

В 2009 г. в главу 22 УК РФ были введены ст.ст. 185.1–185.5. Появление новых статей в уголовном законе было обосновано стремлением наведения порядка в сфере оборота ценных бумаг и защиты прав их законных владельцев, а также более широкого круга лиц, в том числе государства. Федеральный закон о введении в УК РФ указанных составов преступлений получил название «антирейдерский», так как его принятие имело основной целью воспрепятствование рейдерским захватам на более ранних их стадиях. Официальные статистические данные демонстрируют следующую картину. По пяти статьям из шести начиная с 2015 г. и по настоящее время судами не было рассмотрено ни одного уголовного дела. Только по ст. 185.5, устанавливающей ответственность за фальсификацию решения общего собрания акционеров или решения совета директоров хозяйственного общества, за последние три с половиной года судами рассмотрены уголовные дела в отношении менее чем 20 лиц по основному и дополнительному составам данного преступления. Причем подавляющая часть уголовных дел была прекращена в процессе рассмотрения в суде. Следует отметить, что причины такой низкой эффективности «антирейдерского пакета» носят как объективный, так и субъективный характер. Правоохранительные органы не готовы к расследованию и рассмотрению подобных уголовных дел, поскольку требуется узкая квалификация правоприменителей, а также большой временной ресурс. Кроме того, количество недружественных захватов предприятий заметно снизилось на фоне общего экономического кризиса. Но и диспозиции этих составов преступлений, а также санкции по ним далеки от совершенства.

Огромный имущественный ущерб, который трудно сопоставить с какими-либо другими преступлениями, влекут манипулирования на рынке ценных бумаг, уголовная ответственность за которые предусмотрена в ст. 185.3 Уголовного кодекса РФ. Значительные успехи в области уголовно-правовой охраны достигнуты в ряде зарубежных стран, о чем можно судить из средств массовой информации и по громким уголовным делам, закончившимся вынесением суровых приговоров. В нашей стране ситуация принципиально иная. Начиная с 2010 г., исходя из официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде России, нет информации об осужденных (оправданных) лицах по данной статье. В электронной базе дан-

ных государственной автоматизированной системы «Правосудие» такие сведения также отсутствуют. И даже несмотря на то, что с 2010 г. Банком России регулярно фиксируются факты манипулирования рынком, которые публикуются на его официальном сайте, количество возбужденных уголовных дел по данной статье ничтожно мало. Все возбужденные уголовные дела прекращаются еще на стадии предварительного следствия. В 2013 г. Басманным районным судом города Москвы впервые был осужден за манипулирование стоимостью акций ОАО «Финкоминвест» Олег Кузнецов и приговорен к 3 годам лишения свободы и штрафу 200 тыс. рублей. Его действия были квалифицированы не по ст. 185.3 УК РФ, а по ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 159 УК РФ [1]. Для сравнения в США в 2010 г. следователи ФБР в ходе одной только операции под названием «Подорванное доверие» предъявили обвинения более чем 500 участникам рынка ценных бумаг за искусственное повышение цен на акции и проведение валютных махинаций. Сумма выявленного ущерба составила 8,3 млрд долларов США. В июле 2009 г. был вынесен, пожалуй, самый нашумевший приговор американскому 71-летнему финансисту Бернарду Мэдоффу за манипуляции на рынке ценных бумаг и отмывание денег. Это дело нарекли «аферой века». Доказанный ущерб составил более 50 млрд долларов США, а приговор бизнесмену – 150 лет тюремного заключения с конфискацией имущества на сумму 170 млрд долларов США. При аналогичных обстоятельствах в нашей стране Бернард Мэдофф, будучи осужденным по ст. 185.3 УК РФ, мог быть наказан штрафом в размере до 1 млн рублей или лишением свободы сроком до 7 лет.

В 2016 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 200.3, установившая ответственность за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. С момента принятия данной нормы судами пока также не было рассмотрено ни одного уголовного дела по данной статье, что отчасти можно объяснить длительными сроками расследования и судебного разбирательства по данной категории дел. Уголовная ответственность предусмотрена за незаконное привлечение денежных средств граждан в долевом строительстве в крупном размере, т.е. в сумме, превышающей 3 млн рублей, и в особо крупном размере – более 5 млн рублей. Примечание к данной статье предусматривает специальное основание для освобождения лица от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств возмещена в полном объеме и (или) если указанным лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом введен в эксплуатацию. С одной стороны, данная норма призвана прежде всего стимулировать поведение недобросовестных застройщиков и каким-то образом разрядить проблемы обманутых дольщиков. С другой стороны, возникают проблемы в разграничении этого состава преступления с мошенничеством, а учитывая, что санкции по этой статье в разы меньше, чем по составам мошенничества, такой подход создает мошенникам лазейку для избежания справедливого наказания. Рассматриваемая норма, исходя из ее законодательной

конструкции, таит в себе еще одну опасность. Формально под действие статьи подпадают любые нарушения законодательства о долевом строительстве жилья, допущенные при приеме денежных средств от граждан, начиная от отсутствия разрешения на строительство, заканчивая непредоставлением гражданину полной и достоверной информации об объекте строительства, причем даже в отношении всего одной сделки на сумму, превышающую 3 млн рублей. Такая конструкция нормы может привести, если уже не привела, к ошибкам и злоупотреблениям в деятельности правоохранительных органов, оказанию излишнего давления на бизнес. Поэтому нулевые статистические показатели осужденных лиц по данной статье невольно вызывают противоречивые чувства.

Подобная проблема кроется и в ст. 172.2 УК РФ – организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере. Эта норма была введена в действие в том же 2016 г. и предусматривает уголовную ответственность за создание так называемых «финансовых пирамид». До принятия данной нормы действия виновных лиц квалифицировались по статьям о мошенничестве, и виновные лица имели все шансы быть подвергнутыми наказанию в виде реального лишения свободы до 10 лет. Санкции ст. 172.2 УК РФ значительно ниже и предусматривают за ква-

лифицированный состав штраф 1,5 млн рублей либо 6 лет лишения свободы. Либерализация уголовной ответственности за создание финансовых пирамид очевидна, но оправдана ли?

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что объявленный несколько лет назад курс на либерализацию уголовной ответственности за экономические преступления, во-первых, характеризуется активной законотворческой деятельностью, во-вторых, что вполне закономерно, приводит к усложнению применения новых уголовно-правовых норм и возникновению правовых коллизий. На наш взгляд, не стоит переоценивать либерализацию как один из способов формирования здоровой предпринимательской среды и развития экономики в целом. Либерализация уголовного законодательства в сфере противодействия экономическим преступлениям на состояние макроэкономических показателей в стране практически не влияет. Уровень профессионализма у сотрудников, занимающихся судебно-следственной практикой по делам о преступлениях в сфере экономики, за последние годы не претерпел ощутимых изменений. Таким образом, приоритетным направлением в процессе изменения уголовного законодательства в области экономических преступлений видится повышение качества принимаемых норм и профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приговор Басманного районного суда города Москвы от 12 августа 2013 г. по делу № 1-193/2013. URL: <https://basmany--msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.12.2018).

On Liberalization of Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Economic Activity

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 48–51. DOI: 10.17223/23088451/13/9

Maksim I. Oreshkin, “Optimum” Bar Council of Irkutsk Oblast (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: morebaik@yandex.ru.

Mikhail A. Sutuvin, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mialsu@yandex.ru.

Keywords: economic crimes, liberalization of criminal liability, economic crime.

The focuses on the problems associated with a number of changes in the provisions of the criminal law governing criminal acts in the sphere of economic activity. The authors describe recent amendments in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and emphasize a number of positive changes, as well as their social significance for the protection of business from criminal offenses and excessive criminal repression of prosecution. However, the statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of Russia and analysis of the articles of the Criminal Code has shown low effectiveness of certain norms in the field of economic crimes that have recently been introduced into the Criminal Code of the Russian Federation. The courts have not issued a single sentence for individual elements of the crimes since their inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation, which becomes more evident against the increasing (de facto) spread of these acts in Russia and testifies the problems of current legislative structures and the need for their correction. The reasons for the low effectiveness of law enforcement are caused by insufficient substantiation and elaboration of the regulatory framework in this area of public relations. Moreover, there is an acute shortage of qualified specialists for the investigation of this category of criminal cases. The authors make propositions on how to improve the current criminal law. Based on the statistical data and law enforcement practices, the authors conclude about formally confirmed absence of convictions under articles of the Chapter under study to suggest the ways to optimize both the law-making process and law enforcement practice.

References

1. The Basmanny District Court of Moscow. (2013) *Prigovor Basmannogo rayonnogo suda goroda Moskvy ot 12avgusta 2013 g. po delu N 1-193/2013* [The verdict of the Basmanny District Court of Moscow of August 12, 2013, Case No. 1-193/2013]. [Online] Available from: <https://basmany--msk.sudrf.ru/>. (Accessed: 12.12.2018).